

Глава первая: Низкий уровень сахара в крови и беспокойство Ли Суя.

— Дуань-гэ, неужели ты целую неделю ел лапшу быстрого приготовления только ради того, чтобы сэкономить?

— Если у тебя нет денег, сказал бы мне, я бы одолжил!

— Дуань-гэ, в следующий раз так больше не делай, ты меня напугал.

Ночь.

Спортивная площадка средней школы Юйцин в ночном освещении казалась необычайно тихой. Гу Цинли стоял там, вперив взгляд в брошенные на землю букеты гипсофилы, а на его лице читались глубокая грусть и досада. Он медленно опустился на колени и бережно подобрал выброшенные цветы, словно они были неотъемлемой частью его разбитого сердца.

В этот момент вокруг собралась толпа учеников, наблюдавших за разыгравшейся сценой признания. Они оживленно переговаривались:

— Из какого класса этот парень?

— Честно говоря, я восхищаюсь этим чуваком. Решиться признаться той, в кого тайно влюблен, сразу после вечерней самоподготовки!

— И то верно, я тоже снимаю перед ним шляпу, — поддакнул один из парней в толпе.

Однако внимание людей быстро переключилось на другой вопрос:

— А кем ему приходится эта девчонка по имени Ли Сялэ?

— Кем-кем? Обычная одноклассница! — ответил кто-то.

— Но знаете, то, как эта девушка только что посмотрела на него и решительно зашагала прочь, даже не оглянувшись и бросив беднягу в таком неловком положении... Пожалуй, в этом есть нечто впечатляющее.

Собравшиеся принялись обсуждать всю сложность этой романтической истории, и казалось, у каждого было свое мнение и своя догадка.

— Эй-эй, чего вы все до сих пор толпитесь здесь и глазеете на этого Гу Цинли?

— Если сейчас же не разойдетесь, сюда заявится завуч! — раздалось в толпе, и зеваки тут же ускорили шаг, опасаясь попасться на глаза начальству за участие в этом балагане.

В этот самый момент Дуань Цинъюй и Ли Суй тоже молча повернулись и ушли, оставив Гу Цинли одного посреди пустой площадки.

Тут же на поле стремительно появился завуч, схватил Гу Цинли за шиворот и сурово отчитал:

— Гу Цинли, не думай, что раз ты по обмену из Шэньчэна, я стану терпеть твои выходки!

— Сам-то понимаешь, какой сильный удар ты только что нанес той девочке?

— Так, завтра четверг, как раз день общешкольной линейки. Иди в общежитие, пиши объяснительную и завтра утром зачитай ее перед всеми учителями и учениками, чтобы хорошенько обдумать свое поведение!

Услышав это, Гу Цинли лишь мельком выказал напускную грусть и раскаяние, но послушно ответил:

— Я понял вас, учитель.

После этого парень молча подобрал остатки беспорядка на земле и побрел в свое общежитие.

Всю дорогу на душе у него было тяжело, в голове крутились события прошедшего вечера, терзаемые чувством вины и сожаления.

Вернувшись в комнату, он рухнул на кровать и долго не мог уснуть, раздумывая над тем, как завтра читать объяснительную, как просить у всех прощения и как восстановить свою репутацию...

Мужское общежитие, комната 4-16.

В этот момент жизнерадостный Ли Суй обнимал за плечи Дуань Цинъюя, и они весело болтали, возвращаясь в свою комнату 4-16. Гу Янь, сидевший за решением задач, услышав стук в дверь, otvorил ее, чуть приоткрыв створку, и с недоумением спросил:

— Чего это вы сегодня так рано вернулись? Обычно же заявляетесь только к десяти часам.

Ли Суй с ухмылкой ответил:

— Янь-гэ, ты и не представляешь, какое зрелище только что было на спортплощадке! Кто-то кому-то признавался в любви!

— А, вот оно что... Какая скукота, — бесстрастно отозвался Гу Янь и снова уткнулся в свои учебники.

— Ну а... Дуань-гэ, ты ведь тоже глазел на это представление вместе с этим пронырой? — Гу Янь внезапно поднял взгляд на Дуань Цинъюя.

Услышав это, Дуань Цинъюй неловко улыбнулся и с серьезным видом произнес:

— Мне просто было любопытно. В романах и сериалах я признания видел часто, а в реальной жизни — почти никогда.

— К тому же... я впервые воочию увидел, как кто-то признается в чувствах, и невольно задержался на пару минут.

Тем временем Дуань Цинъюй в комнате дождался, пока остальные закончат умываться и разойдутся. Он тщательно закутался с головы до ног, оставив открытыми только глаза, и крадучись направился к умывальникам. Убедившись поблизости в полном отсутствии людей, он бесшумно притворил дверь, боясь издать хоть малейший звук. Затем он медленно и осторожно снял принтованную маску — движение было таким трепетным, будто он боялся потревожить чей-то крепкий сон.

Он чуть приподнял подбородок, и его взгляд упал на зеркало у раковины. В отражении показалось слегка уставшее лицо, от левого угла глаза до самой шеи пересеченное глубоким шрамом от ожога. Извилистые следы напоминали змеиную кожу и выглядели жутковато. Он легонько коснулся пальцем этой отметины — кожа на ощупь казалась грубоватой и слегка покалывала. Нахмурившись, он тихо вздохнул:

— Почему этот ожог выглядит так странно?

Он внимательно разглядывал шрам, испытывая смутную тревогу и сомнения. Казалось, он стал заметнее, чем раньше, а цвет сделался темнее, будто шрам полз по коже живым существом. Он припомнил, как в детстве дедушка с бабушкой уверяли, будто это след от случайного ожога кипятком. Но сам он никогда не верил, что всё так просто, хотя ответа найти так и не смог.

Безнадежно покачав головой, он решил больше не забивать себе голову. В конце концов, этот шкар уже стал частью его тела, и ничего не изменить. Сделав глубокий вдох, он велел себе сосредоточиться на том, зачем пришел — на утренних процедурах.

Он открутил кран, набрал в таз теплой воды, смочил полотенце и приложил к лицу. Тепло приятно передалось коже, принося долгожданное облегчение. Постояв так около пяти минут, он наслаждался этой минутой тишины и покоя.

Секунда за секундой, и кожа на лице постепенно смягчилась и увлажнилась. Аккуратно убрав полотенце, он выдавил на ладонь немного своей пенки для умывания и равномерно распределил по лицу. Массажирю кожу кончиками пальцев, он ощущал, как нежная пена искрится на коже, даря чувство абсолютной свежести.

От круговых движений лицо покрылось тонким слоем белоснежной пены, словно присыпанное свежим снегом. Он тщательно прорабатывал каждый участок, добиваясь, чтобы средство проникло глубоко в поры и вымыло всю грязь и жир.

Спустя пару минут он смыл остатки пены прохладной струей воды. Протерев лицо полотенцем, он снова заглянул в зеркало. В отражении на него смотрело чистое лицо, а белая кожа сияла здоровьем, словно безупречная жемчужина. Шрам от ожога, хоть и остался на месте, теперь не бросался в глаза так резко, а наоборот, придавал лицу некую таинственность.

Раннее солнце пробивалось сквозь щели в занавесках, освещая кампус средней школы Юйцин. Утреннюю тишину разорвал резкий звонок.

Этот звонок словно обладал некой магической силой — назойливо и громко он вырывал из объятий сна учеников всех классов.

В ту же секунду дверь комнаты 4-16 тихонько приоткрылась, и наружу выльнулась тень. Это был Дуань Цинъюй.

Он открыл глаза с первым же звуком звонка, затем медленно откинул одеяло и прищурившись огляделся.

Прошло несколько минут, но соседи по комнате по-прежнему сладко спали в своих кроватях. Пожалуй, я пролежал достаточно, пора вставать, прошептал про себя Дуань Цинъюй. Он быстро натянул свежий светло-голубой костюм, заправил постель и на цыпочках выскользнул из комнаты, страхась разбудить остальных.

Добравшись до умывальников, Дуань Цинъюй обнаружил, что там по обыкновению толпилось всего несколько человек. Кое-кто из ребят бросал на него странные взгляды, недоумевая, как ему удастся просыпаться раньше всех, и это вне зависимости от времени года?

Правда же крылась в его глубочайшем страхе — он панически боялся, что кто-то увидит этот уродливый шрам на его лице.

Сейчас он аккуратно стянул свою принтованную маску, принялся чистить зубы и умываться. Прошло шесть минут, и он, довольный, водрузил на лицо новую маску, после чего направился напрямик в столовую.

Однако, к его же собственному удивлению, внимательно изучив ценники над раздачей, он не стал ничего покупать, развернулся и быстрым шагом направился в учебный корпус.

Когда он вошел в класс, одна из девочек украдкой ела поломанную на кусочки лапшу быстрого приготовления. Заметив его, она испуганно взвизгнула:

— Ты кто?!

Дуань Цинъюй сперва вздрогнул от неожиданности, но тут же взял себя в руки, озарил лицо мягкой улыбкой и вежливо поинтересовался:

— Я Дуань Цинъюй. А ты... случайно не Дуань Цзяцин?

Та с улыбкой кивнула, подтверждая догадку.

Дуань Цинъюй продолжил допрос:

— Цзяцин, почему ты не пошла в столовую, а приперлась в класс так рано? Ты меня чуть до инфаркта не довела.

— Ха-ха, извини, пожалуйста!

Дуань Цзяцин почесала затылок и смущенно пояснила:

— Просто с финансами туго, пришлось набрать кипятку в учительской и заварить лапшу. А ты... неужели тоже ешь рамэн?

Дуань Цинъюй на секунду замолчал, а затем с абсолютно серьезным видом ответил:

— Ха-ха, я тоже на мели, ем эту лапшу уже три дня подряд, в глазах от нее уже рябит. Но ничего, вкусов много, еще день продержусь.

— Погоди... Дуань Цинъюй, с чего это ты вдруг перешел на лапшу быстрого приготовления? У тебя же полно друзей, мог бы у кого-нибудь перехватить до полочки!

— Ха-ха, я бы и рад занять, да не хочу лишний раз никого утруждать! — В глазах Дуань Цинъюя мелькнуло тень сомнения, но он тут же вновь тепло посмотрел на девочку. — Цзяцин, питаться одной лапшой вредно для здоровья. У меня тут есть лишнее вареное яйцо в соевом соусе, будешь?

Дуань Цзяцин замахала руками, отнекиваясь:

— Ой, не надо, спасибо.

— Но если ты отдашь яйцо мне, то что будешь есть сама? — с беспокойством спросила она, глядя на Дуань Цинъюя. Дуань Цинъюй с улыбкой произнес:

— Ничего страшного, для меня пропустить один прием пищи — не такая уж большая проблема. А вот ты — девочка, как тебе могло хватить на завтрак всего половины упаковки лапши быстрого приготовления? Давай так: я немного подожду и поделюсь с тобой половиной своей заваренной лапши, идет?

— Разве так можно? — смущенно ответила Дуань Цзяцин. — Мне ужасно неудобно.

— Хватит спорить, одноклассница Дуань Цзяцин, — нежно сказал Дуань Цинъюй. — Просто прими от меня это маринованное яйцо!

Когда Дуань Цзяцин попыталась что-то возразить, она увидела, как сидевший рядом с ней Дуань Цинъюй с мягкой улыбкой на лице разорвал упаковку маринованного яйца, положил его прямо в ее миску с лапшой и выразительным взглядом велел ей всё съесть.

Дуань Цзяцин с благодарностью посмотрела на Дуань Цинъюй, ее сердце переполнилось трогательными и теплыми чувствами.

Утро.

Класс второй (3) старшей школы.

На второй переменке Дуань Цинъюй лежал лицом в парку, досыпая утренние часы.

Ли Суй сидел рядом и, глядя на то, как крепко спит его лучший кореш, невольно удивился про себя: «Что это с братом Цюем? Разве он вчера допоздна не спал? Почему же сегодня снова умудрился вырубиться?»

В этот момент лучи утреннего солнца заглянули в окно и упали прямо на лицо Дуань Цинъюй, а легкий ветерок едва заметно растрепал его темные пряди.

Ли Суй, наблюдавший за ним со стороны, не удержался и снова мысленно восхитился: «До чего же хорош собой брат Цюй! Кожа — белая и гладкая, как снег, глаза большие и выразительные, полные жизни. А ресницы длинные и пушистые, точь-в-точь как веер. Голос чистый и звонкий. Будь он настоящей девчонкой, глядишь, я бы даже признался ему в любви. Только вот... к несчастью, мы оба парни, эх...»

Ай, ай, ай, о чём это я вообще думаю?

Брат Цюй — мой лучший друг и сосед по комнате!

С чего бы мне вдруг влюбляться в него?

Ли Суй невольно покраснел от смущения, продолжая украдкой смотреть на спящего Дуань Цинъюй и воображая, каково было бы, окажись тот девушкой. Наверняка у нее была бы безупречная белоснежная кожа, огромные чистые глаза, а длинные ресницы слегка подрагивали бы, словно крылья бабочки. Чуть приподнятые пухлые губы украшала бы нежная улыбка, от которой так и тянуло бы поцеловать ее.

Но возвращаясь к реальности — Дуань Цинъюй и Ли Суй не были так уж близки. По большей части Дуань Цинъюй ел в одиночестве, учился в одиночестве и возвращался в общежитие тоже один. И сейчас Ли Суй, больше не в силах сдерживать обуревающие его чувства, медленно протянул руку и коснулся его лица. Несмотря на то, что на Дуань Цинъюй была защитная маска с принтом, это не могло скрыть его природную утонченность.

Почувствовав сквозь сон, как чья-то ладонь нежно касается его щеки, Дуань Цинъюй приоткрыл глаза и миг прогнал остатки дремы. Озадаченно глядя на Ли Суя, он спросил:

— Ли Суй, ты чего удумал? На моем лице что-то испачкалось?

Ли Суй тут же сделал вид, будто его это вовсе не волнует, и небрежно бросил:

— Ничего особенного, просто показалось, что у тебя тут пылинки, дай-ка смахну.

С этими словами он для пущей убедительности еще разок провел рукой по щеке Дуань Цинъюй.

Дуань Цинъюй одарил его ошеломленным взглядом, гадая, не съел ли этот парень часом какую-то не ту таблетку — с чего это он вдруг такой заботливый? Впрочем, размышлять над этим долго он не стал, в конце концов, они же кореша. Сладко зевнув, Дуань Цинъюй снова закрыл глаза и погрузился в сон.

Полдень.

Большинство учеников второго (3) класса ушли в столовую, и в кабинете осталось лишь несколько человек.

Среди них был и Дуань Цинъюй. Утром он перекусил совсем чуть-чуть, и теперь его желудок предательски урчал от голода. Посмотрев на оставшуюся в рюкзаке половину пачки лапши, он мысленно вздохнул: «Эх, эту половину придется оставить на вечер, а в обед обойдусь минералкой».

Класс был насквозь пропитан аппетитными ароматами лапши, которую заваривали другие ученики. Этот запах настойчиво проникал в голодный нос и рот Дуань Цинъюй, заставляя его захлебываться слюной.

Он подумал: «Как же вкусно пахнет, просто невероятно. Так и хочется откусить кусочек от той лапши, что лежит в рюкзаке, но нельзя — если заварю ее сейчас, то к полудню останусь совсем голодным».

Печально покачав головой, Дуань Цинъюй решил сходить в буфет и купить что-нибудь подешевле, чтобы хоть как-то забить желудок. Достав карточку для столовой, он бросил на нее взгляд: на балансе оставалось всего около двадцати юаней. Тяжело вздохнув, он пробормотал:

— Эх, пойду куплю в буфет парочку леденцов по юаню да напьюсь минералки, на первое время сойдет и за обед.

С этими словами он поднялся с места и направился к выходу из класса.

Пять минут спустя Дуань Цинъюй бережно извлек из кармана две мятные конфетки, словно они были драгоценными сокровищами.

Аккуратно надломив упаковку, он боялся потревожить сидящих вокруг одноклассников.

Затем он тщательно выбрал одну конфету со вкусом белого персика, а вторую — со вкусом винограда, и осторожно положил их в рот. Он не решался их разгрызать, а лишь чуть касался языком, позволяя сладости медленно растекаться по рецепторам.

После этого он сделал маленький глоток минеральной воды, наслаждаясь восхитительным сочетанием вкуса воды и растаявшей карамели. Это ощущение помогло ему на время забыть о голоде и погрузиться в сладкую дремоту.

Однако со временем Дуань Цинъюй начал чувствовать легкую усталость.

«Раз так, то и есть больше не захочется, — подумал он. — Лучше я лягу поспать пораньше».

С этими мыслями он опустил голову на парку, закрыл глаза и провалился в сон.

Во сне ему мерещился целый стол, ломящийся от изысканных яств, но стоило протянуть к ним руку, как всё вокруг рассеивалось, обращаясь в дымку.

Наступила перемена после первых двух уроков второй половины дня, но Дуань Цинъюй, вопреки обыкновению, не вышел из класса, чтобы проветриться в коридоре. Вместо этого он по-прежнему неподвижно лежал, уткнувшись лицом в парту.

Он знал, что любые лишние движения сейчас только усилят голод. Поэтому он предпочел продолжить сон в надежде найти хоть какое-то утешение в царстве Морфея.

В конце концов, в обед он съел всего две конфеты и запил их половиной бутылки воды — у него просто не осталось сил на пустые траты энергии.

Последний урок второй половины дня всегда вызывал у учеников смешанные чувства радости и усталости, ведь это была физкультура. Настроения ребят из второго (3) класса, выстроившихся на спортивной площадке, сильно различались. Но меньше всего на свете урока физкультуры ждали те, кто толком не поел ни утром, ни днем — например, Дуань Цинъюй и Дуань Цзяцин.

Лицо Дуань Цзяцин было бледным как полотно, однако она из последних сил старалась делать вид, что всё в полном порядке. Несмотря на критические дни, она упорно заставляла себя участвовать в изнурительном беге.

На самом деле вовсе не гордость мешала ей отпроситься — она просто боялась насмешек со стороны некоторых одноклассниц, которые могли решить, будто она симулирует из-за банальных женских дней, проявляя излишнюю неженственность.

В то же время она панически боялась, что чрезмерные физические нагрузки приведут к разрыву желтого тела, последствия которого могли оказаться непредсказуемыми.

Поэтому, двигаясь в общем строю, она была вынуждена сбавить темп и еле плестись позади всех. Однако ничего не зная об этом преподаватель физкультуры, заметив ее отставание, громко рывкнул:

— Эй, ученица, ты уже отстала на один-два круга, почему не бежишь?!

Услышав это, Дуань Цзяцин вспыхнула от неловкости. Желание бежать было, да вот силы

испарились — словно сдувшийся мяч, она поникла головой. А сидевшие неподалеку девчонки бросили на нее презрительные взгляды, будто увидели нечто невероятно комичное.

Продержавшись еще полкруга, двое учеников рухнули на землю: одним из них был Дуань Цинъюй, а второй — потерявшая сознание от боли в критические дни Дуань Цзяцин. Заметив упавших посреди поля товарищей, остальные прекратили бег и застыли на месте, точно пораженные заклятием неподвижности.

Они что есть мочи закричали физруку:

— Учитель! Тут двоим ученикам плохо, они упали! Причем... кажется, Дуань Цзяцин совсем плоха, позовите кого-нибудь, пусть их отнесут в медпункт!

Не дожидаясь, пока преподаватель хоть как-то отреагирует, Ли Суй стремглав бросился к Дуань Цинъюй, крепко прижал его к себе и вихрем понес в сторону медицинского кабинета. Тем временем Дуань Цзяцин наспех погрузили на носилки несколько девочек и тоже осторожно понесли к врачу.

В школьном медицинском пункте средней школы Юйцин.

Штатный врач в белом халате по имени Чжао Юньянь осмотрел потерявших сознание ребят, и его лицо исказилось от крайнего изумления. Он озадачено воскликнул:

— У этой девочки явно критические дни, почему она не освобождена от занятий? Зачем её заставили бегать? О чем она вообще думала?!

— Эх, глупая девчонка... Приди она хоть ненамного позже, могла бы и вовсе жизнь потерять.

Тем временем на больничной койке постепенно приходила в себя Дуань Цзяцин. Бледная как полотно, она испуганно спросила:

— Доктор... что со мной? Почему я в школьном медпункте?!

Широко раскрытыми от удивления глазами она уставилась на врача. Доктор Чжао выразил на лице легкую тревогу, после чего строго произнес:

— Девочка, ты же прекрасно знала о своем состоянии, с какой стати ты полезла на тяжелую тренировку? Ты понимаешь, что при таких нагрузках легко может случиться разрыв желтого тела? Это же угроза для жизни, неужели ты не знала?!

— Учитель, я... я... — попыталась оправдаться Дуань Цзяцин, но слова застряли в горле, словно её рот намертво склеили суперклеем.

С другой стороны, Дуань Цинъюй с недоумением смотрел на заливающегося слезами Ли Суя, сидевшего у его постели, и озадаченно спрашивал:

— Ли Суй, ты чего реवेशь? Я же просто в обморок от низкого сахара упал... Чего ты так... переживаешь-то?

— Брат Цюй, ну почему ты мне не сказал, что у тебя нет денег на еду? Ты мог просто взять мою карточку! Зачем ты молча терпел и ничего мне не рассказывал?

— Признайся... ты ведь не ел ни утром, ни днем? И пил только эту проклятую минералку, не пытайся меня обмануть!

— Брат Цюй, разве мы не лучшие друзья, не соседи по комнате? Почему ты скрыл от меня, что остался без денег? Если бы ты предупредил, разве дошло бы до того, что ты упал в обморок на физкультуре?

— Брат Цюй, ты...

Ли Суй даже не замечал, как его собственные эмоции становятся всё более неистовыми, наполняясь странным, чуждым по отношению к другу трепетом — смесью искренней братской заботы и глубокой досады на любимого человека.

Что... что со мной происходит? Неужели... неужели я и правда влюбился в брата Цюя?

<http://bllate.org/book/21728/2245455>